

Даша Семёнова

лицей №2, 8 класс

Что заставляет город дышать?

— *Au revoir!*— успеваю прокричать я до того, как дверь хлопнется, звякнув на прощание колокольчиком. Занятие закончилось, но на языке всё ещё ощущается сладковатый привкус французского, а мозг пока не успел переключиться обратно на русский язык.

На улице солнечно и свежо—весна наконец добралась и до вечно холодного Красноярска.

— Надо бы прогуляться!— говорю вслух.

И правда, кажется, прошла целая вечность с тех пор, как я в последний раз просто бродила по городу. В кармане куртки жужжит телефон, оповещая о сообщении. Морщась, как от надоевшей зубной боли, смахиваю СМС с глаз долой и убираю телефон подальше. Не сейчас.

Когда я подхожу к светофору, вижу на тротуаре девушку. Она играет на гитаре и поёт звонким чистым голосом. Перед ней лежит чехол, на котором уже рассыпана горстка монет. Немного постояв рядом и послушав, я улыбаюсь ей и лезу в карман, вытаскивая немного помятую десятирублёвую купюру, чтобы положить её в чехол. На купюре мелькает увековеченное на ней изображение часовни, и, выпрямившись, я тут же устремляю взгляд вдаль, на гору, где она стоит.

Воспоминание. Мы с друзьями в тот день захотели дойти до часовни пешком, по дороге два раза заблудились, долго и тяжело поднимались в гору, но всё-таки добрались. Там каждый из нас загадал желание и три раза обошёл часовню по часовой стрелке, а потом мы долго смотрели на вид, открывающийся с горы. Весь огромный город умещается на ладони, и с такой высоты это выглядит захватывающе, но мне вид почему-то не понравился. Отсюда Красноярск похож лишь на горстку серых многоэтажек, непримечательное пятно цивилизации, хотя на самом деле он—гораздо большее, и для того, чтобы это разглядеть, нужно смотреть гораздо ближе. «Но что такое это „большее“?—думается мне.—

Что такого есть в нашем Красноярске, что делает его настолько любимым, прекрасным и живым? Что такое Красноярск?» Я спрашиваю это у себя самой, цепляюсь взглядом за город в поисках ответа.

Это «что-то» уже здесь, вокруг меня, но я ещё ничего не вижу, лишь чувствую нечто волнительное, трепещущее. А город молча и лукаво смотрит на меня множеством прямоугольных глаз, отражающих уже розоватое предзакатное небо, и безмолвно спрашивает: «Найдёшь?» Найдю.

До того, как стемнеет, остаётся полчаса. Появилась цель—прочувствовать город, пропитаться им, пропустить сквозь себя и понять, что есть Красноярск и что такое важное и неосознаемое кроется в нём, делая его живым. Я не знаю, куда именно мне идти и где искать, а потому доверяюсь своим ногам—пусть идут сами. Я полностью обращаюсь в зрение, слух и осязание.

Ноги несут меня, очевидно, на Театральную площадь. Маневрирую между прохожими, вглядываюсь в случайные лица. Почему-то все кажутся мне знакомыми, хотя я их вижу впервые в жизни. И вообще, почему случайные прохожие на улицах родного города кажутся гораздо более знакомыми, чем прочие? В родном городе даже те лица, которые ты видишь впервые и, вероятно, не увидишь никогда больше, заставляют чувствовать себя комфортно. Как будто есть какая-то невидимая нить, связывающая нас всех. Так вот, Красноярск—это миллион таких ниток. Они переплетаются, тянутся вдоль переулков, пересекаются на улицах, соединяют каждого с каждым ненавязчиво, незаметно, но достаточно ощутимо для того, чтобы понять, что ты дома.

Красноярск—это люди, которые в нём живут. Это миллион разных лиц, биографий, историй, мечтаний, больших и малых целей. Они всегда отличаются от людей из других городов своим внутренним огнём, ведь ничто больше не согреет их в холодные, жестокие зимы. Огонь, который не разожжёшь и не погасишь. Огонь сибирской души. Значит, Красноярск—это красноярцы. Может, это и есть ответ? Мелькающие мимо лица равнодушны, они не знают разгадки, они не чувствуют. Город тоже молчит. Но «нечто» ощущается всё отчётливее, ближе. Придётся искать дальше.

Сама того не заметив, я прихожу на площадь. Как ни странно, на ней ни души. Тихо, спокойно и очень красиво. Можно увидеть одновременно и величественный Енисей, и мост, и красноярский «Биг-Бен». А где-то там, на другом берегу, цветёт и дышит неповторимый и восхитительный заповедник «Столбы». В голове само по себе всплывает изящное французское «magnifique». Великолепно. При мысли о «Столбах» сердце трепещет, не в силах совладать с восхищением от прекрасной сибирской природы. «Столбы» — это чудо, это гордость всего края, даже, наверное, всей России. Если Красноярск считается сердцем Сибири, то «Столбы» — это определённо сердце Красноярска.

Здесь же, на площади, стоит большой фонтан со скульптурами рек. Посредине гордо восседает могучий Енисей, устремив руку с зажатым в ней миниатюрным корабликом вперёд, к настоящей реке, которая сильным неспешным потоком течёт вдаль. Вокруг него изящно застыли девушки-реки: Ангара, Кача, Манна, — прекрасные в любом своём облики. Я подолгу люблюсь каждой из них, хотя вижу далеко не впервые, трепетно трогаю их холодные, неживые руки, снова думая о Красноярске.

Красноярск — это природа, без сомнения. Она была здесь до каждого из нас, останется и после. Должна остаться.

Но всё-таки — почему я так люблю Красноярск? Дело не в людях, не в его природе. Это что-то особенное, к чему нельзя прикоснуться, нельзя услышать и увидеть. Оно повсюду. Я поднимаю вопрошающий взгляд на небо, так и замираю.

Небо полыхает, зажигая ещё и что-то внутри меня. Почти, почти. Меня вдруг нестерпимо тянет на набережную, и я сломя голову бегу туда, ближе к закату, даже не отрывая взгляда от неба. Хотя внешне всё кажется спокойным, на меня издалека ощутимо надвигается девятый вал осознания будто бы всего на свете.

Я выбегаю на набережную, и меня сразу же слепит красным, розовым и оранжевым светом неба. Опешив, я делаю несколько шагов назад и ошалело разглядываю всё вокруг. Город вдруг наполняется невиданной никогда раньше красотой, и тут волна всего преследовавшего меня обрушивается, разливаясь повсюду. Красноярск сейчас неповторим, незаменим и великолепен. С моих глаз будто сорвали мутную серую вуаль, и глаза теперь слепит от новых красок. Всё такое живое, настоящее. Потому что...

У всего есть душа, и Красноярск — не исключение. Она — это то живое, что заставляет его дышать. Без неё он был бы лишь холодным серым лабиринтом домов, наполненным равнодушными людьми. Имеющим богатое прошлое, но лишённым настоящего и будущего. Его душа незаметной дымкой скользит по каждому закоулку, обволакивает город, рекой разливается по улицам. Её старательно

не замечают, вытесняют, но она не даёт, живёт... Прячется... Её не видят, почти не чувствуют, но она есть в каждом хитросплетении улиц, в каждом окне, в каждом человеческом сердце.

Когда я, наконец, прихожу в себя, выныривая обратно в жизнь, солнце уже почти полностью скрылось за горизонтом, оставив после себя лишь догорающее закатное небо.

Я мчусь домой, стараясь не потерять, не расплываться, не расплескать то, что сейчас горит внутри, заваливаюсь в квартиру, бегу в комнату прямо в куртке, падаю в кресло, одновременно с этим открывая ноутбук. Мама, понимающе улыбается и уходит, тихо прикрыв дверь. Замёрзшие пальцы неуклюже стучат по клавишам, по экрану шустро ползёт первая строчка:

«Au revoir!...»

Слава Карелина

лицей №2, 8 класс

Лучики

Однажды я шла по улице домой. У меня было плохое настроение. Подойдя к перекрёстку, я остановилась на светофоре. Рядом со мной оказалась молодая мама с двумя детками. В коляске сидела девочка, совсем маленькая, а рядом — мальчик, чуть постарше. Я взглянула на них — так просто, мимоходом — и вдруг услышала:

— А мы сегодня как раз рисовали арбузики!

Дети мило посмотрели на меня и улыбнулись вслед за мамой. На такую искреннюю детскую улыбку, полную восторга и радости, невозможно было и не ответить улыбкой.

Загорелся зелёный свет, я двинулась через дорогу, а семья зашагала по своим делам. Моё плохое настроение как ветром сдуло, ему на смену пришло какое-то странное чувство восторга.

Я подняла руку к уху и потрогала свои серёжки-арбузики.

Порой нужен лишь маленький лучик света, чтобы разогнать тучи, и этот лучик может появиться от кого угодно, главное — поймать его.

Забавные заблуждения детства

Литературный лицей, 5–7 классы

Однажды я посмотрела серию мультфильма «Смешарики», в которой был жуткого вида чёрный субъект по имени Чёрный Ловелас. В мультике сообщалось, что он играет на гитаре и похищает

сердца. Только сейчас до меня дошло, что «похитить сердца» означает «влюбить в себя»! Но тогда, в детстве, я поняла это буквально и боялась спать ночью, опасаясь, что придёт этот Чёрный Ловелас и заберёт моё сердце.

Даша Бушланова

В детстве у меня были воображаемые друзья, главным из которых был Потя-Потя. Когда мы с мамой шли по улице, за одну руку меня держала мама, а за другую—Потя-Потя.

Ещё я никак не хотела понимать, почему мама зовёт бабушку мамой, и постоянно её учила: «Это не мама, а бабушка!»

Также я хотела выйти замуж за папу, потому что другие мужчины казались мне некрасивыми.

Однажды ночью я столкнулась с мамой в коридоре, с тех пор стараюсь в туалет по ночам не ходить, потому что мама, когда я её встретила, только что помыла голову, обернула голову полотенцем и сказала: «У-у-у».

Рита Данилина

Когда я был четырёхлетним мальчиком, мама часто спрашивала меня, о чём я думаю. Я постоянно рассказывал о каких-то существах. Одно из них называлось ЛаоБао—великан, волосы которого доставали до облаков, а вот стоп не было вовсе—вместо них были колёса.

ЛаоБао слышал звуки, которые переходили из головы в волосы, а оттуда—в облака. Когда шёл дождь, вместо капель падали сущности, издававшие звуки, которые в своё время слышал великан.

Я придумал ещё много других существ—например, «данунцев». Они были настолько странные, что каждый, кто их встречал, вскрикивал: «Да ну! Не может быть!»

Кирилл Конно

В детстве я думала, что слова «пылесос» и «будильник» произносятся как «палисос» и «будельник», и с пеной у рта доказывала это маме!

Я также думала, что Гарри Поттер—автор всех книг о Гарри Поттере и что он пишет все истории про себя.

В детстве, как и сейчас, я просто обожала морковь, так как родилась, когда бабушка сажала морковь.

А ещё я считала, что если сказать несвязный набор слов, то это будет предложение на английском языке!

Арина Ворзоница

Я думал, что не усну ночью, пока не увижу на улице десять машин. Пока я считал эти машины, то стоял на тёплой батарее, ноги окутывало приятное тепло, и, ложась в кровать, я сразу блаженно засыпал.

Слава Мальшев